

ПОГРЕБНАЯ Яна Всеволодовна,
*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и
зарубежной литературы
Ставропольского государственного
педагогического института
(Россия, Ставрополь)*

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОМАНОВ Ю. Г. СЛЕПУХИНА

Произведение художественной литературы всегда выступает как смысловое, эстетическое, нравственное, воспитывающее послание, обращенное к читателям, как в процессе коллективного обсуждения на уроках литературы в школе, на семинарских занятиях в вузе, в литературной критике, так и при самостоятельном чтении и изучении произведения, причем именно в таком режиме коммуникативные качества произведения становятся доминирующими. Собственно коммуникативная функция литературы, ее диалог с читателем, находясь в центре внимания антропологического литературоведения, одновременно образует главный аксиологический приоритет в творчестве писателя-реалиста, ориентированного на открытый и непосредственный диалог с читателем. Именно такие, коммуникативно-ориентированные романы, желательно избирать для анализа на уроках литературы в школе и на семинарских занятиях в вузе, поскольку именно они отвечают в полной мере требованию формирования ценностной системы и аксиологического вектора поведения у учащихся. Ведь когнитивная направленность произведения реализуется как в конкретно личностном подходе, так и в коллективном. Избирая такие литературные произведения для анализа на уроке или на семинарском занятии, преподаватель раскрывается более полно, показывая свои ценностные ориентиры, утверждая свою гуманистическую позицию, и тем самым, безусловно, оказывая формирующее воздействие на учеников.

Отсутствие тенденциозности и заданности, необходимости следования строгим жанровым канонам делает романы Ю. Слепухина открытыми для свободных, а не смоделированных интерпретаций. Такой подход выступает ведущим в антропологическом литературоведении. Один из осноположников антропологического литературоведения В. Изер обосновывает необходимость антропологического подхода к художественной литературе тем, что, если «литература как средство коммуникации так или иначе сопровождала человечество с самого начала его исторической памяти, это должно быть вызвано определенными антропологическими потребностями»¹. Исследователь подчеркивает, что литература прежде всего отвечает человеческой потребности к «путям созидания мира», открывая новые пути построения характера и показывая новые способы обретения человеком своего места в мире. Вместе с тем, в некоторых эпических жанрах, в частности, в жанре молодежного романа, и в жанре романа-дискуссии, сформировавшихся в отечественной литературе прошлого века, именно этот аспект выступает в качестве доминирующего.

Романы Ю. Г. Слепухина (1926–1998) в полной мере отвечают требованиям индивидуально-личностного подхода к читателю, студенту или школьнику. Творчество писателя представляет особый интерес, поскольку может быть проинтерпретировано в двух аспектах: как творчество регионального писателя и как представителя возвращенной литературы. В учебных заведениях Ставропольского края романы и повести Ю. Г. Слепухина можно изучать в разделе «Региональная литература», поскольку в Ставрополе и окрестностях Пятигорска прошло детство писателя, именно из Ставрополя, тогда Ворошиловска, писатель был в ноябре 1942 угнан немецкими оккупантами на принудительные работы в Германию. С другой стороны, будущий писатель на Родине даже не успел закончить среднюю школу. В Германии был в качестве «восточного рабочего» в трудовом лагере «Шарнхорст» в городе Эссен, потом батрачил в помещичьей усадьбе в деревне Аппельдорн, округ Клеве, а после освобождения в 1945 войсками союзников, справедливо опасаясь репрессий по воз-

¹ Изер В. К антропологии художественной литературы // Новое лит. обозрение. 2008. № 94. С. 9.

вращении на Родину, остался в Бельгии, позже, как «перемещенное лицо», попал в Аргентину, а в 1957 репатриировался в СССР. Вначале Слепухин поселился в Воронеже (въезд в столичные города для него был закрыт), затем переехал в Ломоносов, в 1964 — во Всеволожск Ленинградской области, где и прожил до конца жизни.

Все романы Ю. Слепухина были напечатаны при жизни, за исключением 2-х: «Ничего кроме надежды» и незавершенного — «Не подводя итогов», но они издавались небольшими тиражами. В то же время роман «Перекресток», опубликованный в 1962, стал литературной сенсацией, поскольку именно в нем читатель узнал правдивый, а не идеологически заданный образ типичного молодого человека довоенного поколения. Из воспоминаний вдовы писателя Н. А. Слепухиной известно, что, несмотря на цензурные преследования, писатель отстаивал право быть правдивым и реалистически достоверным в своих произведениях, предпочитал не печататься годами, но оставаться верным своим убеждениям, все это привело к замалчиванию его творчества². Только в 90-е после снятия цензурных запретов и ограничений творчество Юрия Слепухина стало доступно читателю в полном объеме.

Один из своих первых романов «У черты заката» Ю. Г. Слепухин пишет по-испански (перевод на русский язык писатель осуществил уже вернувшись домой, в 1961 роман увидел свет), и именно желание упрочить связь с родным языком и культурой, желание стать русским писателем становится ведущим мотивом для его возвращения на Родину. Вместе с тем, билингвистический опыт писателя, равно как и жизненный опыт человека и мастера слова, получившего, благодаря уникальным обстоятельствам судьбы, возможность оценивать как военные, так и послевоенные события, опираясь на широкий мировой контекст, глазами человека мира, сообщил Юрию Слепухину возможность делать емкие и глубокие художественные обобщения, выработать отчетливую гуманистическую позицию, основанную на приоритете общечеловеческих ценностей над идеологическими пред-

² Слепухина Н. А. Юрий Слепухин: возвращение // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения–2014 : тр. Междунар. науч. конф. / сост. : П. Н. Базанов, Н. А. Слепухина. СПб., 2015. С. 41–42.

писаниями. Таким образом, сама судьба писателя выступает зримым и материальным подтверждением концепции всемирной литературы, разработанной отечественной компаративистикой: всемирная литература — это не сумма субъективно выбранных из мирового литературного процесса шедевров, это совокупность всех литератур мира, рассмотренных в их становлении и историческом развитии³.

Романы Ю. Г. Слепухина можно, исходя из национальной идентичности их героев, условно разделить на «аргентинские» и «русские», но, как пишет литературный критик и исследователь творчества писателя Е. Щеглова, они связаны «незримыми, но крепкими нитями», образуя «одно целое, только раскинутое, разнесенное во времени и в пространстве»⁴. Помимо общности героев и тематической объединенности в тетралогии писателя о Второй мировой войне, включающей «Перекрёсток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почётно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000) романы писателя характеризуются общностью жанрово-типологической. Кроме того, в романе «Киммерийское лето» (1969–1971) писатель показывает героев военной тетралогии уже как родителей новых героев — представителей нового поколения. Именно этот аспект изучения творчества писателя может быть избран в качестве доминирующего при литературоведческом анализе романов Ю. Г. Слепухина.

«Киммерийское лето» отвечает в целом жанровым критериям «молодежного романа», вместе с тем пространство романа — фактически дискуссионная площадка, причем, обсуждению подвержены как проблемы философско-онтологического характера, особенности современного искусства, так и нравственные приоритеты героев и их поступки, продиктованные выбором этих приоритетов. Герои «Киммерийского лета» — ученики выпускного класса средней школы: Ника Ратманова, Андрей Болховитинов, Петя Аронсон и Катя Саблина — будущие технари и математики, модница Рената Борташевич, музыкант, поклонник рока Игорь Лукин. Все молодые люди

³ См.: *Неупокоева И. Г.* : 1) Проблемы взаимодействия современных литератур. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 227 с. ; 2) История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М. : Наука, 1976. 359 с.

⁴ *Щеглова Е.* Послесловие // Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб., 2011. Т. 3 : У черты заката ; Южный крест. С. 910.

в романе показаны во взаимодействии с семьей, учителями, друзьями, родителями. Можно утверждать, что в романе два протагониста — Ника Ратманова и Андрей Болховитинов. История их развития и становления, событийная канва их судеб образует параллельные сюжетные линии в романе. Так или иначе, во взаимодействие с двумя главными героями приходят все остальные персонажи романа. Построение сюжета, направленное на создание событий-испытаний, формирующих характер героев через их осмысление и преодоление, выдержано через развитие двух, порой обособленных сюжетных линий, развитие обусловлено необходимостью показать процесс формирования и становления личностей главных героев.

Юрий Слепухин, как писатель-реалист, мастерски воссоздает в романе действительность 60-х, наполненную горячими спорами физиков и лириков, полемикой о назначении и смысле искусства, обсуждением книжных новинок и фильмов, чтением стихов современных поэтов и классиков. Эта сюжетная линия в романе связана с образом Андрея Болховитинова, мечтающего стать художником. Неожиданная зрелость, которая обнаруживается в суждениях юноши, позволяет предположить, что автор передает герою собственные раздумья и сомнения, через него озвучивает собственную позицию. Андрей считает, что искусство должно принадлежать всему человечеству, должно духовно обогащать и развивать все человечество, но не перестает настаивать, что «настоящее искусство — это ведь всегда откровение... или открытие»⁵.

Вместе с тем, чрезвычайно значимы для развития сюжета дискуссии о критериях нравственности, о выборе жизненного пути, об истинном и ложном искусстве, которые ведут между собой герои. Порой споры сосредоточены в молодежной среде, например, спор об эстетических достоинствах экранизации романа «Война и мир» С. Бондарчуком, который ведут Андрей и Ника. Но принципиально значимы в аспекте формирования личности, обретении и выработке жизненных целей, нравственных ценностей и ориентиров споры и беседы, которые представители старшего поколения, отцы и матери, ведут с гото-

⁵ Слепухин Ю. Г. Киммерийское лето // Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб., 2011. Т. 4. С. 584.

вящейся вступить в жизнь молодежью. Именно эта дискуссионность романа сообщает ему статус «открытого произведения», обеспечивает возможность прямого диалога произведения и читателя.

«Юрий Слепухин — мастер динамичного сюжета, связывающего все детали и кажущиеся сначала случайными подробности в единое романное полотно. Целостная картина романного мира складывается из переплетения судеб главных и второстепенных героев. Юрий Слепухин убеждает: нет в человеческой жизни ничего случайного, она тысячью нитей связана с судьбами других людей, каждый поступок героя отзывается эхом в чужих судьбах, вызывает порой отсроченный во времени, но неизбежный резонанс. Именно эта художественная целостность слепухинских романов сообщает им такое редкое для серьезной литературы качество, как занимательность: повествование строится так, что развитие сюжета полностью захватывает читателя»⁶, — эти рассуждения, представленные нами в статье о «Киммерийском лете» (1978), мы изберем в качестве отправной точки для типологической характеристики и романа Юрия Слепухина «Южный крест» и его жанровых особенностях.

«Южный крест» (1981) не связан с «Киммерийским летом» ни событиями, ни персонажами. Роман можно идентифицировать и как приключенческий и как детективный, при этом главные герои романа — молодые люди, представители поколения, прошедшего войну и стремящегося строить жизнь в соответствии с идеалами верности дружбе, справедливости; добру, которое было обретено и выстрадано ими во время военных испытаний. Героев романа, до войны живших в разных странах и на разных континентах (Дино Фалаччи — итальянец, Филипп Маду — француз, Михаил Полунин — русский эмигрант, как «перемещенное лицо» оказавшийся в Аргентине), объединяет военное прошлое — они воевали плечом к плечу, освобождая мир от коричневой чумы, и общая цель: узнав, что в Парагвае, возможно, скрывается нацистский преступник Дитмар, из-за которого по ложному обвинению был казнен Фонтэн, мэр города,

⁶ Погребная Я. В. Взросление как нравственная проблема в «молодежном романе» Ю. Г. Слепухина «Киммерийское лето» // Развитие системы педагогического образования в современной России: антропологический аспект : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 июня 2015 г.). Ставрополь, 2015. С. 373.

поддерживавший Соппротивление, друзья хотят выследить, найти и предать суду провокатора и предателя. Именно эта приключенческая, детективная фабула, на первый взгляд, представляется основной в романе: она связывает воедино ретроспективную сюжетную линию, представленную воспоминаниями Полунина о войне, плене, лагере, побеге, участии в Соппротивлении; размышлениями о неопределенном будущем, связанным с невозможностью возвращения домой, на Родину сразу после победы, необходимостью поисков места временного пребывания, что и приводит его в Буэнос-Айрес, с линейной хронологией событий, охватывающих рискованные скитания героев по Южной Америке в поисках нацистского преступника, его поимку и транспортировку в Европу, где он должен предстать перед судом.

Роман начинается с воспоминаний Полунина о Ленинграде, пронизанных тоской по Родине, и завершается его отплытием к родным берегам. Таким образом, при всей занимательности приключенческого сюжета, при всей смелости поведения Астрид, которая сначала выступает в роли переводчицы, а потом полноправного члена рискованной экспедиции, при наличии всех атрибутов приключенческого романа: бельгийка Астрид, невольно втянувшаяся в деятельность якобы «этнографической экспедиции», придуманной друзьями для прикрытия, выдает себя за немку, которая ищет отца, таким образом, она внедряется в сообщество скрывающихся от правосудия в Латинской Америке нацистов и добывает адрес провокатора Дитмара, все же центральной темой романа выступает судьба Полунина, русского эмигранта Второй волны, который не смог денационализироваться и принимает решение вернуться на Родину. Самому Полунину, когда он готовится покинуть Аргентину навсегда, самым важным событием за десять лет, проведенных в чужой стране, под звездами Южного Креста, представляется встреча с «русской парижанкой» Дуняшей, своей любимой, а вовсе не передача Дитмара в руки правосудия, хотя для Полунина и его друзей это было нравственной необходимостью, делом чести и долга перед памятью оклеветанного и убитого товарища, справедливым актом возмездия. Но, тем не менее, итог аргентинского периода жизни героя автор подводит так: «Наверное, за все последние десять лет жизни Полунина не произошло в ней ничего

более важного для него, чем тот случай три года назад, когда... оказался за столом рядом с черноволосой незнакомкой...»⁷. Сотрудник посольства СССР Балмашев, который убеждает Полунина вернуться на Родину, удивлен действиями Полунина и его товарищей: «Не обижайтесь, но ничего более нелепого нарочно не придумать. Ей-богу, это если бы мальчишки затеяли, начитавшись шпионских романов, а то ведь взрослые люди, бывшие партизаны...»⁸.

Последующая встреча Полунина и Филиппа Маду во Франции разочаровывает обоих, ведь теперь жизнь у каждого своя и цели разные: Михаила удивляет стремление Филиппа к журналистским сенсациям, гражданская позиция друга кажется ему пассивной и пораженческой, а его нежелание иметь детей свидетельствует, возможно, о личной драме. Филипп подтверждает мысли Полунина: «Остальное, мы тогда считали, устроится само собой... Слетит на землю фея победы, взмахнет волшебной палочкой — и мир окрасится в цвета летнего утра... Будем откровенны — этого не случилось»⁹. И судебный процесс над Дитмаром вряд ли даст ожидаемые результаты: тот, скорей всего, добьется оправдания. Кроме того, послевоенный мир стал ареной столкновения интересов двух социальных систем, и Филипп рассказывает об итальянских неофашистах, о военном присутствии США в Европе, о «трогательных примерах дружбы и взаимопонимания между вчерашними противниками», которые превозносятся в газетах¹⁰. Таким образом, увлекательная фабула приключенческого романа проникнута глубокой философско-политической мыслью по поводу важнейших исторических событий и судеб мира.

Но основные повороты в судьбе главного героя связаны все же с развитием приключенческой фабулы: она захватывает и его отношения с Дуняшей, которые определяются развитием именно этой сюжетной линии, вплоть до появления исчезнувшего мужа Дуняши — Ладущки, с которым она решает остаться, понимая, что тот без нее

⁷ Слепухин Ю. Г. Южный крест // Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб., 2011. Т. 3. С. 873.

⁸ Там же. С. 813.

⁹ Там же. С. 851.

¹⁰ Там же. С. 852.

погибнет. Все сюжетные линии устремлены к одному герою-протагонисту, и значимы постольку, поскольку способствуют оформлению у героя окончательного желания — вернуться домой, прекратить ту жизнь, которая ему самому представляется призрачной и ненастоящей. Даже любимая Дуня порой кажется ему «кукольной» женщиной, но чаще — ребенком, с которым невозможны серьезные отношения. Только после решения Дуни остаться с мужем, только после того, как она совершает серьезный выбор, продиктованный состраданием и необходимостью самопожертвования, она как будто вырастает в глазах героя и в возрастном, и в нравственном смыслах. Собственно искусственная, ненастоящая жизнь на чужбине, постоянная обращенность, с одной стороны, в собственное прошлое, с другой, в мир литературы — (одно из немногих мест в Буэнос-Айресе, где герой чувствует себя дома — русская библиотека Основской), заставляет героя искать тот мир, где он обретет настоящий дом.

Уже во второй главе романа Слепухин показывает мир русской эмиграции: в эмигрантском Русском клубе Полунин становится свидетелем банкета по случаю повышения в звании поручика Кривенко. Беседуя с вездесущим сплетником Кокой Агеевым, Полунин узнает о новостях жизни эмигрантской колонии: некий А. соблазнил шестнадцатилетнюю красавицу Б., и хотя он тут же на ней женился, налицо мезальянс — А. происходит из купцов, а Б. из старинного дворянского рода, который записан в «Бархатной книге»¹¹. Полунин иронически повторяет слова о «Бархатной книге», которые выглядят столь же нелепо, как повышение в капитаны поручика несуществующей армии Кривенко. Полунин констатирует «жалкое впечатление», которое производят «те, что устраивают съезды и конгрессы, издают на пожертвования ежедневные четырехполосные газеты тиражом в две-три тысячи экземпляров, глубокомысленно обсуждают (до сих пор!) причины поражения Врангеля и “легитимность прав” того или иного претендента на российский престол, производят поручиков в капитаны»¹². В русской колонии с ее абсолютизацией прошлого, со стремлением повернуть время вспять Полунина невольно посещает

¹¹ Слепухин Ю. Г. Южный крест. С. 515.

¹² Там же. С. 519.

мысль о призрачности его собственного существования. Но беда в том, что таким же призрачным, чужим он чувствует себя и на советской выставке, для организаторов которой имя Авдотья звучит архаично, а сам Полуниин выглядит иностранцем. Пожалуй, именно опасения утратить связь с Отчизной, с ее языком и культурой и определяют желание Полунина вернуться на Родину. Беседуя с представителем советского консульства Балмашевым о русских библиотеках, Полуниин хвалит библиотеку Основской, в которой всегда есть новинки современной советской литературы, но критически («Слишком уж... густопсово...»¹³) отзывается о библиотеке отца Изразцова, в которой представлены книги И. Л. Солоневича (1891–1953), участника Белого движения, монархиста, эмигрировавшего в Аргентину в 1948, автора получившей широкую известность книги «Россия в концлагере» (1935–1936), генерала Русской императорской армии, атамана Всеволодского Войска Донского П. Н. Краснова. В разговоре с тем же Балмашевым Полуниин неожиданно обнаруживает, что не удосужился познакомиться с современной аргентинской литературой, хотя читает по-испански. Наверное, читательские предпочтения Полунина выступают еще одним косвенным указанием на то, где Полуниин видит свою Отчизну: это, конечно, не Аргентина и не ушедшая в историю дореволюционная Российская Империя, это Россия как данность.

По мере раскрытия внутреннего мира героя-протагониста, его воспоминаний, развития отношений с Дуняшей, событийная сторона содержания романа начинает уступать по значению мивоззренческой, философской, выраженной в диалогах и размышлениях главного героя. Именно этот содержательный аспект постепенно приобретает статус доминирующего: герой размышляет об оптимальном государственном устройстве, о формах демократии и их развитии, о судьбах русской эмиграции в Аргентине, о возвращении на Родину. Этими раздумьями герой делится со своими собеседниками: Надеждой Аркадьевной Основской, Алексеем Балмашевым, доктором Хосе Морено, Игорем Андрущенко, — с теми, кому доверяет или мнением которых дорожит.

¹³ Там же. С. 731.

Судьбы Андрущенко и Дуняши сходны: оба они — дети русских эмигрантов, говорящие по-русски, приверженные к русской культуре, к русскому традиционному быту, но рожденные уже за границей. Это русские, никогда не жившие в России и никогда России не видевшие. Андрущенко чувствует себя абсолютным, бесприютным изгоем, он трезво смотрит на свое будущее и знает, что его дети однажды скажут ему: «Я аргентинец, папа!»¹⁴. Он говорит Полунину, сравнивая его с самим собой: «Именно потому, что ты помнишь Россию, ты осознаешь и ощущаешь себя русским, а вокруг тебя иностранцы. Но у меня-то этого нет, понимаешь? Я сам — я! — вечный “иностранец”, для югославов, для австрийцев, для кого угодно...»¹⁵. Андрущенко критически оценивает русскую эмигрантскую диаспору в Аргентине, находит нелепым соблюдение субординации, военные награды, высмеивает «национальное воспитание», направленное на зубрежку хронологии дома Романовых, поскольку отлично понимает, насколько от современных советских и зарубежных реалий далека русская эмиграция, замкнувшаяся в своем изолированном мире, не умеющая и не желающая адаптироваться к новой жизни в новой стране. Но он прямо говорит о своем намерении натурализоваться в Аргентине, потому что России, как родины, у него нет: «Я не могу любить то, чего не знаю. А о России я не знаю ничего. Родитель мой рассказывал, как там было хорошо при государе императоре и как мужики обожали помещиков — в чем я сильно сомневаюсь, поскольку родился в Загребе, а не в Смоленске. Как-то это, понимаешь, не согласуется»¹⁶.

Характерен следующий эпизод: Дуняша легко соглашается поехать с Полуниним в Советский Союз, но жизнь там себе представляет весьма фантастически: «...я с наслаждением жила бы где-нибудь в степи и доила лошадей»¹⁷. Впрочем, и сам Полунин с трудом представляет себе Дуняшу в стране Советов, но и в Буэнос-Айресе, на советской выставке, она выглядит чужой. Он смотрит на неё, выходящую с выставки: на ее манто, туфли на каблуках, модную прическу

¹⁴ Слепухин Ю. Г. Южный крест. С. 745.

¹⁵ Там же. С. 866.

¹⁶ Там же. С. 744.

¹⁷ Там же. С. 647.

и с трудом заставляет себя поверить в ее реальность: «...каким-то странным, чужеродным, не вписывающимся в окружающее показался ему вдруг весь ее облик»¹⁸. На выставке советская девушка, которую зовут Жанна, с удивлением узнает, что русскую эмигрантку зовут Авдотья, называя это имя «книжным»¹⁹. И говорит Дуняша по-русски с ошибками, пересыпая свою речь французскими словами — она родилась в Париже. Дуня поэтому и кажется Полунину «кукольной женщиной», настолько она чужда любой реальной жизни: аргентинской или советской в равной мере.

Сам Полунин пытается понять причину своей ностальгии. Сравнивая русских с испанцами и французами, он вспоминает историю знакомого англичанина Хайме, который вырос в Аргентине, был женат на аргентинке, говорил по-испански, но, когда началась война, — поехал в Англию, пошел на фронт добровольцем, закончил войну на границе с Данией (собственно в разговоре о Нормандии Полунин обнаружил, что его собеседник тоже воевал там), но после войны вернулся в Аргентину, не допуская и мысли о жизни в Англии. И Полунин приходит к выводу, что русский патриотизм имеет иное смысловое и идеологическое наполнение: «Жить в России никогда не было легко, но никогда русский человек не покидал свою землю ради лучшей жизни, а вынужденная эмиграция всегда оборачивалась для него бедой. Самый близкий пример — судьба бывших “белых”. Люди покинули родину не из соображений личной выгоды, а сохраняя верность определенным убеждениям; уже одно это, казалось бы, должно служить моральной поддержкой. А вот не служит! Ведь трагедия белой эмиграции не в том, что бывшим кавалергардам пришлось водить такси, а известным писателям — довольствоваться сотрудничеством в грошовых еженедельных листках; ее трагедия в том, что русские люди потеряли Россию. В конце концов все они так или иначе устроились, некоторые совсем неплохо, если говорить о материальном достатке. И что же — легче им от этого?»²⁰. В конце романа в диалоге Полунина и еще одного репатрианта на корабле,

¹⁸ Там же. С. 644.

¹⁹ Там же. С. 646.

²⁰ Там же. С. 656.

следующем в Кронштадт, окончательно развенчивается идея эмиграции как поиска лучшей доли и материального благополучия для русского человека: оппонент Полунина рассказывает, как его обманывали и обсчитывали в Аргентине, и именно эти обстоятельства выдвигает в качестве причины возвращения на Родину. Когда возмущенный Полунин опровергает мифы о притеснении эмигрантов, о безработице, собеседник гневно вопрошает: «<...> вы-то почему здесь, на советском судне, а?» Полунин отвечает: «А вам этого все равно не понять. Во всяком случае, вопросы труда и зарплаты на мое решение не повлияли...»²¹

Ключевой момент для понимания причин, побудивших Полунина вернуться, — его внутренний диалог с самим собой в начале второй части романа. Под впечатлением от посещения советской выставки, после «русского ужина» с Дуняшей, Полунин погружается в раздумья о том, возможно ли здесь, в Аргентине, для него семейное счастье, дети, есть ли у него вообще будущее на чужбине: «Можно, конечно, лишний раз напомнить себе, что перед родиной ты чист — не изменял, не дезертировал, даже повестки не дожидался — сам пришел в военкомат; и что ни в малейшей степени не зависели от тебя все те обстоятельства, в силу которых ты оказался перемещенным за четырнадцать тысяч километров от дома, в эмигрантскую колонию Буэнос-Айреса. Можно, выстроив себе этакое персональное убежище из вполне логичных доводов, жить здесь и дальше, как живут другие. Но вот будет ли эта жизнь нормальной — это вопрос. Какая же она, к черту, нормальная, если ты даже детей своих не сможешь воспитать, как считаешь правильным...»²². Этим рассуждениям предшествует посетившая Полунина мысль о том, что он ведет призрачное, абсурдное существование: «Оказаться человеком без тени. Этаким призраком. Пожалуй, хорошо вписалось бы во все окружающее, во весь этот абсурд, которым стала его жизнь...»²³. Полунин даже не может внятно и однозначно ответить на вопрос: любит ли он Дуняшу, он понимает истинность и глубину этого чувства только перед разлукой. Призрачен мир русской эмиграции, тоскующей по уже

²¹ Слепухин Ю. Г. Южный крест. С. 891.

²² Там же. С. 654.

²³ Там же. С. 653.

несуществующей России, продолжающей жить по меркам и принципам дореволюционной России. Полуниин не чувствует себя частью этого мира, среди иммигрантов у него нет друзей, его единственные товарищи — это товарищи по оружию, — француз Филипп Маду и итальянец Дино Фаллачи, с которыми жизнь также разводит его.

В спорах Полунина с аргентинцем Морено, хотя и не поднимаются прямо проблемы эмиграции, возможности адаптации к жизни в чужой стране, вопрос о натурализации, но, тем не менее, именно в этой полемике отчетливо обосновывается решение Полунина вернуться на Родину. Морено — гуманист и демократ, противник тоталитаризма, ненавидящий фашизм и нацизм, он готов всеми силами и способами препятствовать тому, чтобы эти отвратительные и чудовищно опасные социальные явления укоренились и получили поддержку в Аргентине. Именно Морено способствует поимке Дитмара, беря на себя все расходы по ведению операции, обеспечивая Полунину и его друзьям безопасность, предохраняя от пристального внимания аргентинских экстремистских организаций, в конце концов предоставляя свой личный самолет, чтобы переправить Дитмара в порт Буэнос-Айреса. Морено — тонкий знаток и ценитель искусства и литературы. Но при этом он — богатый, процветающий предприниматель, противник социалистических идей коллективной, народной собственности и социалистического принципа равного распределения доли прибыли и общественного достояния. Морено отстаивает идеи «второй молодости» капитализма, он сторонник общественного договора между предпринимателями и рабочими, сторонник сотрудничества собственников и профсоюзных организаций. Видя, что капитализм вынужден идти на уступки, чтобы избежать социального взрыва, что рабочие добиваются улучшения условий труда, социальных гарантий, повышения заработной платы, Морено говорит, что современный капитализм гибок и жизнеспособен. Но при этом Морено не исключает того, что развитие капитализма в будущем пойдет по пути национализации крупных производств и предприятий, увеличения налогов с владельцев крупной собственности. При этом он говорит, что если эта национализация частной собственности будет осуществляться по закону, постепенно,

эволюционно, он ничего не будет иметь против: «И если когда-нибудь депутаты этих рабочих сумеют провести в парламенте закон о всеобщей национализации — пожалуйста! Я, скорее всего, буду голосовать против, но если пройдет их предложение — пожалуйста! По закону — ничего не имею против!»²⁴. Полуниин резюмирует: «В общем, вы не реакционер, необходимость переустройства мира вы признаете, но предпочитаете, чтобы это делалось эволюционным путем»²⁵. Причины, побудившие Морено занять такую умеренно-либеральную позицию, вызваны русской революцией и осмыслением ее последствий, в том числе и эмиграции: «Видел я в свое время в Париже ваших эмигрантов... жалкое зрелище. Вот чего я не хочу своим детям, понимаете? Чтобы их не выкинули завтра хорошим пинком в зад, пусть уж я буду ладить со своими рабочими сегодня»²⁶. Морено, таким образом, косвенно признает, что русская революция положила начало кардинальным изменениям во всем мире, способствуя очеловечиванию капитализма, неизбежному увеличению прав трудящихся и развитию и укреплению всех форм социальной защиты, необходимости их адаптации к капиталистической экономике. Полуниин трактует уступки капитализма совершенно противоположно Морено: для него уступки профсоюзам и трудящимся, демократизация отношений между трудовыми коллективами и собственниками — свидетельство не гибкости и второй молодости капитализма, а признак его скорой капитуляции. Полуниин приводит примеры устранения лидеров рабочего движения в Аргентине, напоминает о существовании экстремистских организаций нацистского толка, которые стоят за этими убийствами, причем Полуниин, которому удалось воочию познакомиться с деятельностью такой праворадикальной организации, как «Альянса», хорошо знает, о чем говорит. Морено возражает, что нынешнее политическое положение в Аргентине ненормально, но Полуниин возражает, что завтра такое положение может сложиться где угодно в Европе или в Южной Америке, если к власти придут нацисты и экстремисты, и никаких социальных

²⁴ Слепухин Ю. Г. Южный крест. С. 584.

²⁵ Там же. С. 584.

²⁶ Там же. С. 584.

гарантий и уверенности в своем будущем при таком положении вещей не может быть ни у кого: ни у рабочих, ни у предпринимателей. Таким образом, Полунин подводит своего собеседника и оппонента к мысли о том, что необходимо реформировать само государственное устройство. Морено не возражает по существу, скорее, возражения у него вызывает целесообразность и гуманность революции, как способа перехода к новому политическому и экономическому устройству. Спор между Полуниным и Морено — ключевой в романе: Полунин видит недостатки обеих социально-экономических систем, поэтому не строит иллюзий относительно социалистического «рая», который можно обрести, бежав из капиталистического «ада», или, поменяв положительные и отрицательные полюса местами, совершить обратное движение. Такое пристальное внимание автора к этим вопросам, вероятно, продиктовано опытом политической деятельности Юрия Слепухина в качестве активного члена НТС. А решение героев романа самостоятельно поймать и передать в руки правосудия преступника Дитмара нагляднейшим образом демонстрирует, что прошедшие войну герои привыкли в вопросах справедливости и чести полагаться на собственные силы, а не ждать милостей или заботы от государства.

Ретроспекция судьбы Полунина, развивающаяся параллельно с основным хронологически линейным повествованием в романе, в контексте этих идеологических и политических споров призвана показать, с одной стороны, случайность стечения обстоятельств судьбы Полунина, которые привели его в Аргентину и закрепили за ним статус «перемещенного лица», с другой, именно эти обстоятельства типичны не только для Полунина, но и для любого из его соотечественников, прошедших войну, плен, принудительные работы в лагере, побег, участие в боях на стороне союзников — и как следствие — невозможность возвращения на Родину, поскольку бывших пленных советских граждан, воевавших в Сопrotивлении, неизбежно подозревали в шпионаже и на Родине их ждали тюрьма и лагерь. Но узнав о переменах, происходящих в Советском Союзе, Полунин дает согласие на встречу с представителем советского консульства. Герой уверен, что тот воспримет его историю, как экстраординарную, однако Балмашев в ответ на замечание Полунина, что его биография, возможно, выглядит ужасающе,

замечает: «И пострашнее читывали, мы не из пугливых...»²⁷. Среди историй эмигрантов, которые теперь могут вернуться на Родину, история Полунина выглядит типичной, одной из многих. Таким образом, Слепухин, как писатель-реалист, создавая образ героя-эмигранта, который принимает решение вернуться на Родину, создает образ типический, при этом подчеркивая важность принципа детерминизма: Полунин вырос, получил среднее образование, был воспитан в СССР, именно современная Россия, а не царская имперская Россия или фантастическая Россия, придуманная Дуняшей, — его Родина. Другой России в настоящем времени, времени жизни Полунина, нет.

Именно этот мировоззренческий, философский уровень романов Ю. Г. Слепухина «Южный крест» и «Киммерийское лето» и выступает их доминирующим смысловым уровнем. Собственно философское осмысление событий, рефлексия по поводу своих поступков, обсуждение их с другими героями романов и есть их центральная сюжетная линия. Исследуя внутрижанровую типологию романа, А. Я. Эсалнек считала методологически правильным исходить именно из доминирующего уровня организации смыслового и идеологического содержания романа для определения его жанровой идентичности²⁸. Именно значимость дискуссии, как с другими, так и с самим собой, диалог внутренний и внешний, направленный на оценочный пересказ событий, их интерпретацию, способствует кристаллизации смысла романа. События значимы не сами по себе, значение они приобретают в процессе осмысления их героями романа. Таким образом, каждое событие проигрывается в романе дважды: собственно как сюжетный эпизод и как эпизод рефлексии героев романа, как часть их мировоззренческой и философской эволюции, как способ осознания героями своих целей в жизни, своих представлений об истинных и ложных ценностях, именно в этом статусе приобретая истинное значение. Таким образом, фабула приключенческого романа в романе «Южный крест» становится вспомогательной по отно-

²⁷ Слепухин Ю. Г. Южный крест. С. 835.

²⁸ См.: Эсалнек А. Я. : 1) Типология романа : (теоретический и историко-литературный аспекты). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 156 с. ; 2) Внутрижанровая типология и пути ее изучения. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 183 с.

шению к философскому и мировоззренческому осмыслению судьбы человека и Отчизны, патриотизма и национальной идентичности, как проблем философских.

Дискуссионность романов «Южный крест» и «Киммерийское лето», представленная в диалогах героев, получает развитие в затекстовой реальности как коммуникативное свойство романа, побуждающего читателя включиться в полемику по не теряющим актуальности вопросам патриотизма и национальной идентичности. Романы Ю. Г. Слепухина «Южный крест» и «Киммерийское лето» можно проинтерпретировать как «открытые произведения», как приглашение к диалогу, в ходе которого уточняется и содержательно оформляется понимание таких важнейших ценностных ориентиров, как справедливость, патриотизм, гуманизм. Интерпретация романов, таким образом, выступает способом не только познания художественной реальности, но началом, формирующим личностные качества и аксиологические ориентиры читателя как участника диалога с произведением.

Аннотация: статья направлена на установление внутрижанровой типологической общности романов Ю. Слепухина, основанной как на идентичных принципах построения сюжета, так и выделении идеологической доминанты, реализуемой в создании открытого дискуссионного пространства в романах «Киммерийское лето» и «Южный крест».

Ключевые слова: жанр, типология, типологическая идентичность, сюжет, диалог.

Annotation: The article is aimed at establishing common typological genre Yu. Slepukhin novels based on identical principles as the construction of the plot, and the allocation of the dominant ideology, implemented in the creation of an open space of discussion in the novels «The Cimmerian's summer» and «Southern Cross.»

Keywords: genre, typology, typological identity, plot, dialogue.